

И. И. Терещенкова

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: tereschenkova@gmail.com

**КОНЦЕПТ «МУЖЧИНА»
В ТУРЕЦКОЙ, АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ
(ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ
ДЛЯ ЭТНИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА КОНЦЕПТОВ) ***

В данной статье представлены результаты начального этапа пилотажного исследования одного из институционально значимых для функционирования этнической картины мира концептов – концепта МУЖЧИНА в турецкой, английской и русской лингвокультурах.

In this article results of the first stage of the research are presented. The concept «man» being of principal significance for the functions of ethnic world pictures, is studied on the materials of Russian, Turkish and English linguocultures.

Сравнивая языки, в частности, концентрируясь на семантическом аспекте, исследователи приходят к изучению особенностей восприятия носителями этих языков окружающего мира. В контексте нашего исследования особенный интерес представляют работы А. А. Залевской, Ю. Н. Караулова, Ю. А. Сорокина, Е. Ф. Тарасова, Н. В. Уфимцевой, Р. М. Фрумкиной, И. В. Шапошниковой. Более того, актуальность исследований на турецком материале в данной области обусловлена активными процессами перестройки ценностей, проходящими в турецкой культуре. Здесь имеются признаки модификации традиционной модели доминирования мужчины с возможным, на первый взгляд, последующим переходом на западную модель равноправия. Таким образом, наше исследование касается проблем модернизации и вестернизации, которые мы познаем через институционально значимые образы в этнической картине мира.

Изучение понятий «картина мира» и «этническая картина мира» имеет уже свою историю. Одним из пионеров-исследователей картины мира считается американский этнолог Р. Рэдфилд. Он считал, что картина мира включает взгляд личности на окружающий мир с учетом коллективной памяти и принад-

лежности к культуре. У носителей культуры существуют общие характеристики, так сказать, набор ожиданий, который помогает ориентироваться им при общении. Этот комплекс ожиданий подтверждается постоянной реализацией этих ожиданий. Это происходит благодаря тому, что члены культуры отвечают друг другу ожидаемым способом, ведь у них одинаковые предпосылки, которые сложились при переработке коллективного опыта, исходя из которых они производят ответные действия.

Рэдфилд также говорил о системности картины мира. Набор знаний и ожиданий у представителя определенного этноса особым способом структурирован и взаимосвязан. Картина мира является вместилищем ответов на вопросы об окружающем мире, которые были накоплены коллективным историческим опытом и неосознанно переработаны всеми членами этноса. В ней также хранятся указания, инструкции и предостережения, актуальные для существования этноса. Наиболее интересное в нашем контексте концептуальное видение этнической картины мира находим в работе С. В. Лурье [1998].

Существование культуры на протяжении достаточно долгого периода времени подразумевает наличие некоего неизменного

* Работа выполнена в лаборатории этнопсихолингвистики НИЧ НГУ по проекту НИР 1.14.07 (тематический план по заданию Рособразования).

стержня, хранящего в себе те элементы, которые формируют ее специфику. Очевидно, что к данному пространству относятся именно неизменные или трудно поддающиеся изменению элементы культуры, влияющие на восприятие носителем культуры окружающего мира, а не ритуалы или верования, которые могут существенно видоизменяться со временем.

Чтобы совершить какое-либо действие, человеку приходится существовать в мире по определенным правилам, он должен иметь знания о своих возможностях и обо всех условиях и обстоятельствах, которые приведут к успешному завершению данного действия. Вокруг основных знаний об окружающем мире выстраивается система бытия. Иными словами, это коренные парадигмы, несущие защитную функцию, т. е. коррелирующие с основным человеческим инстинктом – инстинктом самосохранения. Этнос адаптируется к реальности, называя и структурируя ее. Благодаря этнической культуре человек получает структурированный образ окружающего мира, в котором все соотнесено с самим человеком и он сам является компонентом общей системы.

Это связное, цельное представление о жизни в мире, присущее членам одного этноса, и есть этническая картина мира. Она выражается в мифологии, литературе и философии. Проявления ее заметны в поступках людей и, особенно, в том, как они оценивают свои поступки.

В упоминавшихся выше теоретических построениях С. В. Лурье необходимо выделить некоторые особенно существенные в контексте нашего исследования положения, имеющие отношение к динамике процессов, которые могут наблюдаться в этнической картине мира. Этнические константы представляют собой комплекс механизмов и знаний, которые содержатся в «центральной зоне культуры» и обеспечивают носителю этноса возможность безопасно действовать. Они складываются в процессе адаптации этносом к окружающему миру, но не имеют конкретно-содержательного наполнения, являются постоянной формой для категоризации опыта, наполняющейся в соответствии с этнокультурными доминантами того или иного периода. Этнические константы включают в себя определенные бессознательные образы, которые влияют на восприятие чело-

веком окружающего мира. Таковыми являются не только бессознательные образы источников добра, зла и представления о способе действия, при котором добро победит зло, но и отношения между этими образами, их взаимодействие. На основании этнических констант формируются адаптационно-деятельностные модели, которые влияют на способность члена этноса совершать действия в мире, это установки особого рода. Однако нельзя абсолютно уравнивать эти два понятия, несмотря на их сходство.

Теперь мы считаем уместным остановиться на связи между языком и адаптивными моделями, детерминированными картиной мира. Для этого необходимо обратиться к понятию деятельности, определив его вслед за психолингвистами как совокупность действий, направленных на образование новой действительности и организованных по определенным правилам. При наличии потребности, которая должна быть удовлетворена, и благоприятной ситуации организм обращается к определенному виду деятельности. Эта деятельность в первую очередь зарождается в виде установки [Узнадзе, 1961. С. 41]. Ранее уже было заявлено, что этническая картина мира содержит в себе адаптивно-моделирующие модусы субъекта, в соответствии с которыми и совершается деятельность. Обратимся к частному примеру – к речевой деятельности, учитывая, что деятельность направлена на формирование новой действительности. Исходящая из общих культурных установок речевая деятельность опосредует иную деятельность человека и участвует в образывании новой действительности и служит основным семиотическим средством не только для изучения фактов языка, но и для анализа культурных установок.

В процессе этногенеза каждое общество имеет потребность в адаптации в соответствии с постоянно меняющимися культурными условиями. Каждое общество обладает своими историко-культурными особенностями, применение общих схем развития неоднозначно сказывается как на характере модернизации, там, где она имеет место, так и на социокультурной почве.

В последнее время популярны аналитические исследования этнокультурных процессов в координатах парадигмы отношений Восток – Запад. В этой связи определение

национальной идентичности, центрального ядра культуры в странах с так называемой «синтезированной» (Восток плюс Запад) структурой является одним из актуальных вопросов. Ярким примером такой страны считается Турция. Некоторые особенности турецкой истории и географии делают эту страну уникальной именно в рамках полюсов Восток – Запад: специфика географического положения, мобильность и частые межэтнические контакты, с одной стороны, и твердый религиозный базис ислама – с другой. Следует отметить и классическое противостояние Востока и Запада, порождающее противоречия, которые ведут к объективному сопротивлению социокультурной почве.

В истории турецкого этноса есть опыт плодотворных культурных взаимодействий. В VIII в. турки впервые вплотную соприкоснулись с исламской культурой, они тесно взаимодействовали с арабами и иранцами, но не утратили самобытность, позаимствовав из культур этих народов «полезное» для себя (в сфере науки, философии, литературы, искусства), они сами также внесли определенный вклад в общую цивилизацию. Единство их системы не было нарушено, они сохранили язык и традиции, а ценности этих контактирующих культур не имели разительных отличий. За короткое время турки стали управлять исламским миром, и это послужило причиной того, что образовалось гомогенное соединение в силу отождествления турецкой культуры с исламской. Вероятно, до конца XVII в. турки считали себя выше других наций; и действительно, с тем фактом, что они сохранили это превосходство до указанной даты, соглашаются и независимые историки. Турки, которые до XVIII в. заимствовали у других народов «необходимое» для себя, по причине ослабления государства стали брать в пример Европу (в большей степени в силу ее развитости в военной сфере). В XIX в. наблюдается проникновение европейской культуры практически во все отрасли турецкого общества. Особенно в сфере искусств и образования. Однако поначалу это влияние оставалось внешним и не затрагивало глубинных элементов, обеспечивавших существование этноса.

В современном турецком обществе культурные изменения происходят под действием совокупности факторов демографического,

экономического и внешнего порядка. Межэтнические контакты, которые можно отнести к внешним воздействиям, обуславливающим изменения в культуре, являются очень важным фактором для современной Турции. Это происходит потому, что, во-первых, важной частью турецкой экономики является туризм, что обеспечивает постоянное присутствие в стране большого количества носителей других культур; во-вторых, Турция нацелена на вступление в Евросоюз, поэтому «открыта к изменениям». Есть и внутренние факторы, способствующие появлению изменений в традиционной культуре. Так, в Турции отмечается интенсивный демографический рост, каждый год наблюдается прирост населения в размере 1,83 %. (см.: www.vizyon2023.tubitak.gov.tr/teknolojiongorusu/paneller/saglikveilac/raporlar/son/EK-17.pdf, с. 1). Этот фактор стимулирует социально-экономические изменения, в первую очередь, интенсивное развитие новых технологий в стране, что связано со сравнительно невысоким уровнем оплаты труда.

Все эти факторы обуславливают культурные изменения, а при перестраивании внешних факторов этническая картина мира может видоизменяться, но ее защитные и ориентационные функции не допускают кардинальных изменений. Функции этнической картины мира осуществляются через распределение культурных ценностей и установочных предписаний для мужчин и женщин, поэтому и концепты, связанные с изменениями образов мужчин и женщин и характера их взаимодействий, должны исследоваться всесторонне [Шапошникова, 2007].

В фокусе нашего исследования такой элемент культуры, как концепт МУЖЧИНА. Рольевая модель мужчины, восприятие мужчины, образ мужчины – все эти черты могут видоизменяться, если в обществе происходит изменение этнокультурных доминант. Вместе с тем мы предполагаем, что какие-то его черты останутся неизменны.

Опираясь на традиционные для этнолингвистики методы, попробуем выявить, с какими именно лексемами носители исследуемых языков устойчиво ассоциируют образ мужчины, с тем чтобы можно было приступить к моделированию семантической структуры данного концепта. Рассмотрим, каким образом современные носители турецкого языка видят мужчину. Применяв лингвистические

методы исследования, смоделируем семантическую структуру концепта МУЖЧИНА в период изменений, происходящих в турецкой культуре в связи с ее модернизацией.

Необходимо оговорить, что исследование проводится на одной внутриэтнической группе, а именно на группе людей, имеющих высшее образование, а значит, наиболее приближенных к новой культурной модели. Это также даст нам возможность увидеть направление переосмысления ценностных доминант представителями исследуемой внутриэтнической группы. Таким образом, изучив проявление концепта МУЖЧИНА в группе наиболее продвинутых по пути вестернизации представителей турецкого этноса, мы сможем гораздо быстрее заметить процессы переоценки, происходящие во всей культуре. Ведь вестернизованность не означает отказа от принадлежности к культуре. Этнические константы разделяются всеми членами общества, вариации могут наблюдаться только в сфере ценностных доминант. Поэтому наиболее интересна для исследования именно та группа, которая более восприимчива к изменениям и вестернизации. Такой группой и являются образованные жители городов западных районов Турции, а не сельские жители, которые к тому же трудно достижимы для исследователей-лингвистов в силу замкнутости и необразованности, а также серьезных различий, вызванных использованием диалектов.

Необходимо учитывать, что выбор метода исследования тесно связан с подбором эмпирического материала. Материалом нашего исследования являются словарные статьи, корпусы текстов, и результаты опроса информантов, носителей языков всех исследуемых культур.

Наиболее подходящей классификацией методов в контексте нашего исследования является классификация относительно категории наблюдателя. Два принципиальных отличия относительно степени участия наблюдателя в процессе исследования позволяют выделить два класса методов. Если наблюдатель принимает участие в формировании материала исследования, контролирует его, направляет каким-либо способом, то такую группу методов можно назвать активным наблюдением. Если же наблюдатель всего лишь анализирует материал, сформирован-

ный без его участия, например тексты, грамматическую организацию языка или словарные статьи, то эту группу методов обозначим как пассивное наблюдение.

Мы считаем, что исследование является особенно эффективным лишь при сочетании методов пассивного наблюдения с методами активного контроля. Учитывая это, предлагается следующая система исследования.

Исследование началось с интроспекции, в ходе которой были выявлены подробности проблематики и некоторые направления исследования.

Материал, полученный после обращения к словарям нескольких типов, был при анализе объединен с материалом когнитивного эксперимента. К каким же выводам мы пришли после проведения сопоставительного анализа на основе данных словарей и мнений информантов?

Рассмотрим толкования основного имени концепта МУЖЧИНА на базе словарей С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой – для русского, Marriam-Webster – для английского и Sesli Sozluk, для турецкого языков:

МУЖЧИНА: лицо, противоположное женщине по полу

MAN: an adult male human

ADAM: erkek kişi (перевод: лицо мужского пола)

Только в тексте толкования на русском языке есть выражение отношения к другим объектам реальности, в английском и турецком толкование дается через прилагательное, поэтому необходимо привести еще одну словарную статью.

MALE an individual that produces small usually motile gametes (as spermatozoa or spermatozoids) which fertilize the eggs of a female

ERKEK İnsan, hayvan ve bitkilerin dişiye döleyecek cinsten olan (перевод: человек, животное или растение, принадлежащее к полу, имеющему способность к оплодотворению).

Сравнив данные словарных дефиниций с наивными толкованиями информантов, полученными в результате когнитивного эксперимента, можно увидеть, что у информантов-американцев преобладает толко-

вание при помощи биологических терминов и понятий (*male Homo Sapiens, a person with Y-chromosome*), присутствует значительное количество религиозных толкований (*created in God's image*), а также через отношение к женщине (*none-female, opposite of a woman, counterpart to a woman*) и к себе как проявление индивидуализма (*it is me, whom I love*). У информантов-носителей русского языка кроме интерпретаций при помощи выражения отношения к женщине, наблюдается присутствие чувства юмора (*звучит гордо, вымер как динозавр*) и некая научность, эксплицированная не только через биологические понятия, но и философско-социальные (*существо вида хомо сапиенс, самостоятельный индивидуум, человеческая особь, хомо сапиенс мужского пола*). У турецких информантов замечено большее количество отказов давать определение, а также большая степень оценочности в самих определениях (*ulu, iyi erkek, babam; настоящий хороший парень, как мой папа*), больше описаний качеств мужчины (*güç, güven, çalışkan, yetişkin, ulu*; перевод: сильный, обеспечивающий безопасность, работающий, взрослый, зрелый), в частности, имеющих отношение к моральной оценке и моральности (*sözünü tutuyor, ulu*; перевод: держит слово, благородный). «Научность» русских и американских информантов контрастирует с высокой степенью морализованности и оценочности реакций со стороны носителей турецкого языка.

После выборки слов из словарей синонимов и тезаурусов анализируемых языков были выявлены дополнительные признаки, которые включаются в значения тех или иных единиц, но не являются обязательными для всех имен концепта МУЖЧИНА. При этом были применены следующие параметры отбора: слова должны принадлежать к нейтральному стилю, быть морфологически простыми, активно использоваться в настоящее время. В соответствии с данными параметрами, все имена концепта МУЖЧИНА были разделены на группы.

- Общие наименования лиц мужского пола

Ср.: рус. *Мужчина, парень*; тур. *Adam, erkek*; англ. *Man, guy*.

- Имена, называющие мужчину и указывающие на его возраст

Ср.: рус. *Старик, дедушка, мальчик*; тур. *Baba, koca, yaşlı adam, oğul*; англ. *Old man, boy*.

- Имена, называющие мужчину и указывающие на родственные отношения (включая семейное положение)

Ср.: рус. *Отец, брат, сын, муж, племянник, зять, деверь, шурин, дед*; тур. *baba, oğul, koca, dede, amca, dayı, enişte, damat*; англ. *Father, brother, son, husband, grandfather, nephew, groom, son-in-law*.

В турецком языке отсутствует специальное слово для названия брата, есть только слово *kardeş*, как английское *sibling*, не указывающее на пол ребенка. Но при этом есть отдельное слово *ağabey* (разг. *abi*) для старшего брата, которое может переноситься и на уважительное именование незнакомых молодых людей. Такая же ситуация и с двоюродным братом. Но при этом фиксируется достаточно большое количество названий для мужчин-родственников старшего возраста, что подчеркивает, на наш взгляд, ценности турецкой культуры – семейные отношения и уважение к старшим. Перенос родственных наименований для выражения уважительного отношения к лицам преклонного возраста встречается только в турецком и русском языках, но в турецком количество слов гораздо больше – не только слово дедушка, но и муж, дядюшка зачастую используются с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-cik, -cik, -cuk, -cük*.

- Имена, называющие мужчину и его положение в обществе или род деятельности

Ср.: рус. *Господин*; тур. *Hoca, bey, sahıp, effendi*; англ. *Sir*.

Общественные процессы, происходящие в вестернизирующихся сообществах в последние века, уравнивают в правах мужчину и женщину, поэтому в русском и английском языках практически не осталось слов, которые могли бы быть использованы исключительно в описании социального статуса мужчины. Особенно наглядно этот процесс идет в английском языке, заменяя такие слова, как «policeman» и «fireman» на «police officer» и «fire fighter». В турецком языке внутренняя форма слов, определяющих профессии не содержит подобных гендерных различий, поэтому может применяться вне зависимости от пола. Но в турецком языке есть другое важное явление, подчеркивающее гендерные различия – вежливые формы обращения к мужчинам: *bey* и *efendi*. От русских форм вежливости вроде «дамы и господа» турецкие формы отличает нейтральность стиля и постоянное употребление.

После выявления состава имен концепта МУЖЧИНА и группировки их по основным признакам можно сделать выводы относительно того, какому признаку в турецком языке придается большее значение, сравнив результаты с другими языками. Итак, выражение возрастных признаков и социального статуса гораздо шире представлено в турецком языке, чем в русском и, тем более, в английском. Материал, полученный при обработке словарей был использован как основа при выборе слов-стимулов для ассоциативного эксперимента.

Переходим ко второй стадии исследования: анализ выборки ближайших контекстов представляется наиболее эффективным из совместимых с экспериментом по методу незаконченных фраз приемом. В таком случае мы получим, во-первых, интенциональные контексты, которые являются частью большего текста, и, во-вторых, более близкие к бессознательному восприятию – ассоциативные контексты.

Для продолжения фраз носителям всех трех языков было предложено закончить предложение по схеме «Мужчина (что делает?)». Такая постановка вопроса является наиболее свободной для ассоциирования. Хотя вариант с включением слова «обычно» предполагает выяснение набора более популярных мужских действий. Здесь приведены только топовые ассоциации для каждого языка. Русские ассоциации чаще состоят из одного слова – *говорит, идет, сидит, стоит*. Английский язык оказался менее однородным в своих реакциях, большинство которых выражено фразами (например, *dancing on the table*, или *playing golf*), но лидером все равно становится группа «*working*» (в ней объединяются такие процессы, как *mowing the lawn, washing car*) и второй по встречаемости является группа процессов, которые можно озаглавить как «отдыхает» (*singing song, dancing, playing* (+ различные спортивные игры), *reading a book*). Группа турецких информантов выделила такой вид деятельности, как *çalışıyor* (работает) с невероятным перевесом – для 30 % информантов это является первой и единственной ассоциацией, остальные ассоциации (например, *geliyor, bakıyor, okuyor*; перевод: идет, смотрит, читает) являются скорее ассоциациями на действие вообще, чем на типичное мужское действие.

Последней стадией исследования явился пилотажный свободный ассоциативный эксперимент, который по логике вещей должен наиболее полно отразить актуальные семантические связи между понятиями и объектами действительности, а также выявить неосознаваемые компоненты значений. Важным этапом проведения эксперимента является подготовка слов и выбор группы информантов. Эксперимент проводился на равных группах (20 человек) американцев, турок и русских. Обязательным параметром отбора было наличие или получение высшего образования, во-первых, чтобы исключить влияние диалектов, и, во-вторых, потому что люди с высшим образованием склонны быстрее осваивать изменения в обществе.

В соответствии с общей задачей исследования необходимо было ограничить стимульный материал. Учитывая, что он должен отражать реально функционирующие в языке имена, на имена стимулов было решено наложить те же формальные ограничения, что и при работе со словарями для выявления имен концепта. Исходя из содержательных соображений в набор для свободного психолингвистического эксперимента были включены 5 слов, относящихся к концепту МУЖЧИНА: рус. *мужчина, парень, отец, муж, мужественность*; англ. *man, guy, masculinity, husband, father*; тур. *adam, erkek, koca, baba, eril*. Из практики проведения экспериментальной работы известно, что если все стимулы принадлежат к одной теме, то может получиться искажение информации, поскольку с большой долей вероятности будет иметь место «зацикливание» на теме, и она будет сама себя репродуцировать, поэтому мы добавили в опросник слова из свободного ассоциативного теста Кент-Розанофф [Залевская, 1979. С. 24–25].

Думается, что из инструкции, которая была предложена испытуемым, становится ясна суть использованной методики проведения эксперимента: «Необходимо заполнить анкету за 5 минут, не раздумывать над каждым пунктом более 4 секунд. Записывать ту реакцию, которая первой пришла в голову, вне зависимости от части речи или размера фразы – это может быть как одно слово, так и целое предложение. Отсутствие ассоциации в течение 7 секунд необходимо зафиксировать прочерком». На основании собранных в

результате эксперимента материалов можно сделать следующие выводы.

Базируясь на ассоциатах, данных носителями русской культуры, можно заключить, что в сознании русскоговорящих мужчина в первую очередь сильный, храбрый, смелый и надежный, его основные функции – это защита и помощь, он ответственно подходит к их выполнению и за это любим.

Американские информанты в первую очередь говорят о сущности мужчины, при помощи выделения связей с самими собой, женщиной или людьми вообще, признаки в их ассоциациях не так популярны, однако сила является принципиальным признаком и для носителей американской лингвокультуры.

Мужчина в турецких ассоциациях, кроме универсальной для всех культур «силы», имеет такие черты, как надежность, ответственность, справедливость, благородство и храбрость. В результате большого количества синонимичных и предметных ассоциаций определилось ассоциативное поле мужчины для турецкого языка: *babam, çalıştığını insan, adam, ev sahibi, aile reisi, koruyucu, yiğit*; перевод: отец, работающий человек, хозяин дома, глава семьи, защитник, храбрец. Эти слова и выражают основные представления о ролевой модели мужчины в Турции – работать, защищать и властвовать. Мужчина в Турции выступает работающим человеком, защитником и хозяином дома, а также главой семьи. Следует особо отметить повторяющееся подчеркивание его необходимости, нужности.

Список литературы

Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избр. тр. М.: Гнозис, 2005. 542 с.

Залевская А. А. Межъязыковые сопоставления в психолингвистике. Калининград: Изд-во КГУ, 1979. 84 с.

Лурье С. В. Историческая этнология. М.: Аспект Пресс, 1998. 486 с.

Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики М.: УРСС, 2005. 310 с.

Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологической установки. Тбилиси: Изд-во АН Гр.ССР, 1961. 210 с.

Шапошникова И. В. Для чего нам нужны концепты и концептосферы? (Размышления о филогенезе мировоззрения и возможностях его исследования) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. Т. 5, вып. 2. С. 103–117.

Redfield R. Little Community: Comparative Studies of Cultures and civilizations. Chicago, IL.: University of Chicago Press, 1955.

Список словарей

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

Merriam-Webster on-line. www.m-w.com

Турецкий толковый словарь.
www.seslisozluk.com

Материал поступил в редколлегию 30.04.2007